

РАССЕКРЕЧЕННЫЙ ЗУБР. СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО Н.В. ТИМОФЕЕВА-РЕСОВСКОГО. Документы. М.: Academia, 2003. 576 с. Тип. 1000

Эта книга рассказывает о выдающемся русском генетике, биофизике, радиобиологе Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском (1900–1981) и о времени, в котором он жил. После появления в начале 1987 г. повести «Зубр» Даниила Гранина началась ожесточенная дискуссия между его друзьями и недоброжелателями, сделавшими все, чтобы не допустить его реабилитации, представить предателем и пособником германского фашизма на том основании, что в 1925–1945 гг. Тимофеев-Ресовский оказался в Германии. Реабилитация последовала только в июне 1992 г., когда в стране сменился общественный строй, и после этого стали появляться статьи и книги о Николае Владимировиче, в которых стали вырисовываться масштабы его личности и вклада в науку. Особенно много работ вышло в свет в 2000 г., когда во всем мире отмечалось 100-летие со дня его рождения. Среди опубликованных материалов были воспоминания самого ученого, его современников, эпистолярное наследие, анализ его биографии и научных работ.

Рецензируемая книга заняла в этом потоке издания особое место, поскольку ее ключевой темой стали два десятилетия жизни и работы ученого в Германии, а также его арест, предварительное следствие и суд, занявшие время с осени 1945 до лета 1946 г. Главную роль в подготовке издания сыграл к.и.н., обозреватель журнала «Вестник РАН» Я.Г. Рокитянский, хорошо известный своими книгами о трагически погибших в годы сталинщины академиках Н.И. Вавилов и Д.Б. Рязанове. Составителями ре-

цензируемого издания, помимо Я.Г. Рокитянского, явились также В.А. Гончаров и В.В. Нехотин.

Рецензируемое издание состоит из трех частей – большой вступительной статьи Рокитянского «Н.В. Тимофеев-Ресовский в Германии и на Лубянке», материалов следственного дела Тимофеева-Ресовского в совокупности с частью его переписки и документами по реабилитации ученого, а также комментариев. 11-томное следственное дело героя книги хранится в Москве в Центральном архиве ФСБ России и легло в основу как документальной части, так и статьи Рокитянского. Очень важно, что в издании использованы и документы других архивохранилищ – Архива РАН, где находится личный архив ученого, Российского государственного военного архива с богатыми фондами трофейных германских материалов и берлинского Архива истории общества Макса Планка, где хранится вся документация, связанная с работой Тимофеева-Ресовского в Институте исследования мозга и его личная переписка германского периода, это значительно обогатило книгу и позволило сделать образ Тимофеева-Ресовского более емким и многогранным.

Во вступительной статье особый интерес представляет рассказ о том, как возникло следственное дело выдающегося ученого. Оно создавалось в два этапа: в 1945–1946 гг. во время следствия и в 1987–1989 гг., когда для решения вопроса о реабилитации сотрудниками КГБ при содействии Министерства госбезопасности ГДР было проведено дополнительное расследование. В деле накопилось более 400 единиц хранения и 3 тыс. листов на трех языках из архи-

вов и библиотек Германии и СССР. Усилиями двух спецслужб было создано поистине уникальное собрание исторических документов не только об одном человеке, но и о Германии и СССР того времени. Это дело – свидетельство неправоты тех, кто ставит под сомнение возможность использования в исторической литературе следственных материалов, которые в данном случае в основном достоверны. Что касается протоколов допросов, то они, безусловно, требуют критического подхода и, в частности, умения объяснить те случаи, когда имеет место самооговор. Но разве можно из-за этих особенностей некоторых протоколов допросов отбрасывать целые комплексы ценнейших исторических материалов? Кстати, протоколы допросов Тимофеева-Ресовского не содержат ни одного самоговора или оговора других людей.

С помощью отрывков из воспоминаний Рокитянский дает представление о том, какой яркой и оригинальной личностью был Тимофеев-Ресовский, которого называли аристократом до мозга костей, аристократом духа и в то же время простым русским мужиком. У него были два принципа: не делать сегодня того, что можно сделать завтра, и не относиться к науке со звериной серьезностью, творить ее «красиво и весело», так как «иначе нечего в нее соваться» (с. 12, 13).

В очерке рассказано о предыстории научной командировки Николая Владимировича в Германию, о его работе в Институте исследования мозга, где он стал генетиком мирового уровня и, начав с ассистента, возглавил затем отдел генетики. В середине 1930-х гг. Тимофеев-Ресовский вошел в мировую научную элиту, участвовал в работе генетических конгрессов в Итаке и Эдинбурге, активно сотрудничал с многими выдающимися учеными Европы и США, опубликовал в Германии и в других странах больше 120 работ. В книге приводится следующая оценка Тимофеева-Ресовского, относящаяся к 1938 г.: «С научной точки зрения Тимофеев, без сомнения, один из лучших генетиков и пользуется всемирной славой. Приезжающие в Берлин иностранные коллеги, исследующие те же проблемы, что и он, имеют обыкновение обязательно его посещать. Его научную репутацию подтверждает и тот факт, что в последние годы его приглашали выступать с докладами на многочисленные научные конгрессы. Работы Тимофеева известны далеко за пределами его специализации... Это активная личность, и все, кто его близко знает как человека, высоко ценят его. В Институте его по-настоящему любят» (с. 195–196).

В мае 1937 г. Тимофеев-Ресовский отказался выполнить указание соответствующих органов и вернуться в СССР. Об этом шаге, который предотвратил его гибель, знают многие, но в очерке Рокитянского рассказано о другом малоизвестном факте: его отказе в 1938 г. от предложения министра науки Германии Б. Руста принять германское гражданство (с. 196–200). Этот шаг, свидетельствующий о патри-

отизме Тимофеева-Ресовского, существенно затруднил его работу в Германии. Особенно трудно пришлось ему в годы войны, когда к русским в Германии стали относиться с подозрением. Последовали донос, слежка, запрет выезжать в другие страны, затем арест старшего сына Дмитрия за антифашистскую деятельность, его заключение в Маутхаузен и гибель накануне освобождения. Самого Николая Владимировича спасал в это время его научный авторитет, так что фашистские боссы все же не решились его арестовать. Тимофеев-Ресовский мог бы предотвратить свое задержание в ночь на 13 сентября 1945 г. органами НКВД, если бы накануне штурма Берлина Красной армией уехал на Запад. Такая возможность у него была, но это не входило в его планы. Он остался и в Германии русским патриотом и заявил на суде в последнем слове: «Я любил свою родину и ничего против нее не совершал» (с. 460). Он хотел передать свой отдел генетики Советскому Союзу и вернуться на родину, но в реальной действительности его «вернули» туда соответствующие органы.

В книге впервые рассказано и об основных этапах предварительного следствия, о том, как шли допросы. К Тимофееву-Ресовскому вряд ли применялись пытки и другие методы давления, поскольку он, по замыслу верховной власти, должен был войти в группу радиобиологов – участников советского атомного проекта. Добавлю от себя, что, когда я был студентом Уральского политехнического института в Свердловске, мне посчастливилось познакомиться с Николаем Владимировичем, находившимся в 1947–1955 гг. на Урале и работавшим в специальной «Лаборатории Б». Я работал потом вместе с ним в Обнинске, и в марте 1981 г. он умер на моих руках. Николай Владимирович рассказывал мне, что по ведомству заместителя наркома внутренних дел СССР А.П. Завенягина его вместе с сотрудниками и оборудованием берлинского Института генетики и биофизики должны были перевезти на Урал. Однако его судьбой заинтересовались другие силовые органы, и в результате он оказался на Лубянке, где с ним, по его словам, «обращались деликатно». Во время следствия Тимофеев-Ресовский не признал своей вины в антисоветской деятельности. В конце концов это обвинение было снято, и ему за отказ вернуться в СССР в 1937 г. («ни за что», как он говорил) дали 10 лет лагерей (с. 442–443, 451–462). Вспоминая об этом, Николай Владимирович говорил мне: «Если бы было за что, то тогда дали бы 15 или 20 лет».

Завершает вступительную статью рассказ о том, как пребывание в Германии отразилось на дальнейшей судьбе Николая Владимировича. По мнению Рокитянского, оно стало одной из самых значительных жизненных удач ученого, позволив ему обрести мировую известность в научных кругах. За пределами СССР Тимофееву-Ресовскому удалось добиться значительных научных результатов и полностью раскрыть огромные потенциальные

возможности российской генетики, преследуемой и уничтоженной затем в СССР. На основе своих научных достижений в Германии он смог многое сделать позднее в научном плане в СССР (с. 144–146).

В документальной части книги воспроизведены в хронологическом порядке 208 документов. Нередко бывает так, что сухие, написанные бюрократическим языком материалы воспринимаются читателем с большим трудом. В данной работе протоколы допросов, письма и другие документы, наоборот, придают книге эмоциональный характер. В них предстает полная драматизма жизнь Тимофеева-Ресовского на чужбине, его творческие искания. Помимо этого, мы узнаем об особенностях развития науки в фашистской Германии, о русской эмиграции в 1920–1930-х гг. и ее видных представителях, с которыми общался Тимофеев-Ресовский, о германском урановом проекте, о своеобразии репрессивной технологии в фашистской Германии в 1933–1945 и в СССР в 1945–1946 гг. Все это представит несомненный интерес для историков России и Германии.

Ряд документов имеют самостоятельное научное значение и, несомненно, привлекут внимание генетиков. Это прежде всего стенограмма выступления выдающегося американского ученого, лауреата Нобелевской премии 1946 г. Г.Дж. Мёллера на заседании попечительского совета Института исследования мозга 6 июля 1933 г., научный отчет отдела генетики за 1937–1938 гг., подготовленный Тимофеевым-Ресовским, и его «Докладная записка о работах с нейтронными и искусственными радиоактивными изотопами», написанная им в ходе следствия в декабре 1945 г. (с. 176–179, 200–204, 309–315). Изложенная в его записке идея применения нейтронов для лечения онкологических больных начала реализовываться лишь спустя полвека, в частности в Обнинске на специально сформированных нейтронных пучках на ядерном реакторе. В книге встречаются имена многих известных ученых. Среди авторов публикуемых документов, наряду с Г.Дж. Мёллером, лауреаты Нобелевских премий М. Планк, М. Дельбрюк, Ж. Перрен. Здесь упомянуты многие выдающиеся биологи, генетики, физики СССР, Германии и других стран – Г. Баур, Н. Бор, В.И. Вернадский, В.И. Вавилов, Г.Д. Карпеченко, С.Г. Левит,

В. Гейзенберг, Н.К. Кольцов, Н.В. Риль, А.С. Серебровский, О.Фогт, Г. Штуббе и др.

Материалы показывают, как уверенно держался Тимофеев-Ресовский во время следствия. Его показания можно рассматривать как своеобразные воспоминания о германском периоде его жизни и научной работы. Во время предварительного следствия он говорил то, что думал, не лукавил и не поддавался давлению следователя. Удачно дополняют его показания очень интересные, с психологической точки зрения, показания его супруги Елены Александровны и свидетельства сотрудников отдела генетики К. Циммера, Г. Борна, А.С. Кача, а также С.Р. Цапакина, который проходил с ним по одному делу. Представлены также позднейшая переписка Тимофеева-Ресовского со своими друзьями и коллегами в Германии, тексты опросов некоторых из них, проведенные сотрудниками КГБ и госбезопасности ГДР в ходе дополнительного расследования в 1988 г. (с. 477–501).

Приходится заметить, что в книге есть отдельные неточности. Хотя справочный аппарат к документам очень обстоятельный и основан на широком круге архивных материалов, в именном указателе не хватает кратких сведений об упомянутых лицах. Но в целом рецензируемый сборник вместе с другими изданиями создаст предпосылки для подготовки добротной научной биографии Тимофеева-Ресовского. Он ставит точку в тех жарких спорах, которые велись вокруг его личности в конце 1980-х гг., причем ни один упрек в адрес Николая Владимировича, исходивший от сотрудников КГБ и их литературных представителей, не подтвердился. Документы однозначно показывают, что он не имел никакого отношения к германскому атомному проекту, никогда не сотрудничал с фашистами, не участвовал в экспериментах над людьми. Тимофеев-Ресовский помогал многим, в том числе и соотечественникам, оказавшимся в Германии не по своей воле, выжить с помощью удостоверений и устройства на работу в свой отдел генетики. Новая книга подтверждает, что Н.В. Тимофеев-Ресовский всегда оставался настоящим ученым и человеком.

**Н.Г. Горбушин, кандидат технических наук
(Медицинский радиологический научный центр
РАМН, Обнинск)**